

Яков Фрейдин

Взгляд со Стороны

Избранные Рассказы

Яков Фрейдин

Взгляд со Стороны.

Избранные Рассказы

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41870127

Взгляд со Стороны. Избранные Рассказы: Hurricane Books Publishers;

2019

ISBN 978-1-77192-466-5

Аннотация

Автору повезло – у него было две жизни. Первую он прожил в СССР, откуда уехал в 1977 году, а свою вторую жизнь он живёт в США, на берегу Тихого Океана в тёплом и красивом городе Сан Диего, что у мексиканской границы. В первой жизни автор занимался многими вещами: выучился на радиоинженера и получил степень кандидата наук, разрабатывал медицинские приборы, снимал кино как режиссёр и кинооператор, работал кинорепортёром для ТВ, играл в театре, баловался в КВН, строил цветомузыкальные установки и давал на них концерты. Во второй жизни он работал исследователем в университете, основал несколько компаний, изобрёл много полезных вещей и получил на них 60 патентов, написал две книги по-английски и множество рассказов по-русски. По его учебнику студенты в университетах изучают датчики. В Калифорнийском Университете он читал

лекции по теории датчиков и истории искусства периода Ренессанса. Пишет картины и путешествует по Миру. Это второй сборник рассказов на русском языке. Первый сборник «Степени Приближения» (Hurricane Books Publishers) вышел два года назад (2017). Все рассказы в этой книге (за исключением пары первоапрельских розыгрышей) основаны на реальных событиях и примечательных людях, а потому в этой книге мало вымысла.

Содержание

Несколько напутственных слов читателю	6
Ребе	11
Чака	19
Закон для Восходящего Солнца	31
Едем-Едим	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Яков Фрейдин
Взгляд со Стороны.
Избранные Рассказы

© Jacob Fraden, 2019

Несколько напутственных слов читателю

Спешу предостеречь: открыв любой рассказ Якова Фрейдина, не надейтесь, что сможете, взглянув на начало, отложить чтение на потом. Не получится. Не оторветесь, пока не дочитаете до конца. Эта проза не отпускает, не дает соскучиться, отвлечься, она завлекает читателя занятными поворотами сюжета, подбрасывает новые, нередко парадоксальные, мысли и краски. Однако умение выстраивать повествование так, чтобы оно с ходу и безраздельно завладело нашим вниманием – лишь одно из достоинств этого автора. Пожалуй, самое ценное в нем – это его многогранность. Яков Фрейдин – редкий в наше время образец гармонической личности, современный «человек Ренессанса». Он физик и лирик в одном флаконе. Природа одарила его по меньшей мере тремя талантами: инженера-изобретателя (чья фамилия красуется в списке ста лучших изобретателей США), прозаика и живописца.

И вот что существенно: в том, что и как пишет наш автор, в ткани его рассказов, так или иначе проявляются все грани его натуры. Вот несколько примеров.

Когда после выступления я вернулся на своё место в зале, на свободное рядом кресло сразу же подсел лысый человечек

лет шестидесяти, чем-то похожий на доброго гнома.

Герой мемуарного рассказа «Грустный гений», выдающийся дирижер Натан Рахлин, увиден глазами художника и описан пером прозаика. Скупым штрихом очерчен незабываемый облик великого музыканта. Подробнее изображен невероятный по своей парадоксальности персонаж другого рассказа, «Ген негодяя» – *«коротенького толстого человечка лет пятидесяти с округлой, как пицца, физиономией, пронизательными серыми глазками и тёмной кучерявой шевелюрой. В руках он держал выдавший виды рыжий портфель, толщина которого была сравнима лишь с животом посетителя».*

Или вот почти карикатурное изображение телевизионного цензора: *«...под его строгим взглядом она, мне почудилось, стала распухать ещё больше, а огромные глаза её, казалось, вот-вот выдавят стёкла очков и покатятся на пол...».*

Талант живописца проступает и в описании интерьеров. *«Сравнительно небольшой кабинет, как и дверь, был отделан тёмным красным деревом, в левом углу стоял застеклённый книжный шкаф, на стенах в массивных рамах висело несколько картин старых фламандских мастеров... В центре был письменный стол, а за ним комод с множеством фотографий в рамках. Среди них мне сразу бросились в глаза портреты Ленина и Брежнева, стоявшие там на самом видном месте. Оба снимка были с дарственными надпися-*

ми...»

Этот мастерски изображенный кабинет принадлежал знаменитому промышленнику и дельцу Арманду Хаммеру – одному из тех заметных деятелей XX века с громкими именами, с которыми, по прихоти судьбы, довелось встретиться автору этой книги...

Парадокс: Фрейдин-изобретатель, сядя за сочинение прозы, не изобретает ни своих героев, ни сюжетов. Он, как правило, черпает их из реальной жизни, пишет о том, в чем участвовал сам, что видел собственными глазами или слышал от других. Исключение делается лишь для рассказов-мистификаций, которые он пишет в честь «праздника дураков» – к Первому Апреля. Его принадлежность к миру точных наук, инженерии и бизнеса сказывается в другом – в пронизывающем его прозу чувстве здравого смысла, в неприятии наивных и примитивных социальных утопий. Всегда ли умны те, кто называют себя «интеллектуалами»? – спрашивает он в рассказе «О дураках, либералах и консерваторах». И произносит в ответ решительное: «Нет!» Ибо *«...на самом деле их интеллект зажат в прокрустово ложе узкой специальности. Всё что за её рамками – лежит для них в сфере умозрительных теорий и мечтаний, к реальной жизни мало относящихся. Ты что думаешь, если некто, скажем, профессор математики, врач или там компьютерный кудесник, он что, по определению умный? ...Да, да, не удивляйся, среди нобелевских лауреатов тоже полно дура-*

ков. То, что человек может быть болваном при каком-то большом таланте, особенно видно в Голливуде...»

Позволю себе ещё одну пространную цитату из этого рассказа: уж очень она актуально звучит в сегодняшней Америке, где все больше наших сограждан очаровываются идеями социализма:

Академический сноб уверен, что ежели у него докторская степень, то он по определению любую вещь понимает лучше тех, у кого степени нет. Эти люди смотрят на всё через розовые очки своего воображения. Так, к примеру, видел мир Маркс, когда писал свой «Капитал», хотя ни разу в жизни не посетил ни одной фабрики, а из рабочего класса был знаком лишь со своей кухаркой, с которой произвёл на свет незаконнорождённого сына. Мало того, либерал Маркс этого сына позволял впускать в дом только через чёрный ход. Недаром его дядюшка Леон Филипс, тот самый, сын которого основал голландскую фирму Philips, на просьбу Маркса подкинуть денег ответил: «Лучше бы ты, Карл, зарабатывал капитал, а не писал про него...» Умники, вроде Маркса, могут лишь придумывать умозрительные теории о том, как перераспределить то, что зарабатывают другие, да и себя при этом не забыть. То есть «весь мир насилья мы разрушим» – это они умеют, а вот «мы наши, мы новый мир построим» у них никогда не получалось. Ломать они могут, а строить – нет».

Яков Фрейдин умеет и любит строить. В его объемистом

творческом портфеле – десятки изобретенных им приборов, смелых и ярких, поражающих воображение картин и отлично выстроенных рассказов о пережитом и увиденном.

Искренне завидую тем, кто не был знаком с ними раньше и, раскрыв эту книгу, впервые испытает радость общения с наблюдательным, умным и талантливым рассказчиком.

Владимир Фрумкин

Ребе

– Если хочешь знать, так сиди и слушай, – сказала она, – я тебе про него расскажу. Ты должен это знать. Тридцать лет прошло, как его убили, а он и сейчас стоит перед моими глазами, словно живой. Будто смотрит на меня и улыбается. Но это только мне кажется, что смотрит, ведь он совсем слепой был и много лет не мог ничего видеть. Ну так вот, мы жили в Витебске рядом с синагогой, где он был раввином. Синагога наша была небольшая, даже маленькая, и на праздники для всех места не хватало. Мы из дома стулья приносили. Люди издалека приходили чтобы Ребе Якова послушать. Ты себе представить не можешь, как он говорил! За сердце брал. Его очень любили и уважали. За ум, за доброту. За то, что умел слушать и понимать. Чужое горе и чужую радость, как свои чувствовал и переживал. Сын его, мой муж Моисей, часто ему говорил: «Папа, так нельзя жить, зачем ты себя истязает? Ты страдаешь с каждым больным и умираешь с каждым покойником». А он только смеялся и отвечал: «Но зато я с каждым новорожденным снова появляюсь на свет и женюсь на каждой свадьбе».

Даже старики шли к нему за советом, когда он ещё только службу свою начинал и был совсем молодым. Часто к нему домой приходили, не только в синагогу. Иногда просто хотели посидеть рядом и помолчать вместе с ним. Совета спра-

шивали: «Скажите, Реб Яков, имеет смысл делать так? А если вот так?» Он всех выслушивал, во всё вникал и если что советовал, так от сердца и ума. А когда не знал, что посоветовать, честно говорил – не знаю, но старался всем помогать.

Вот такой случай, тебе будет интересно знать, раз ты искусством увлекаешься. Однажды, было это давно, ещё до революции, вскоре после того, как германская война началась. Первая мировая, то есть. Однажды вечером пришли к Якову двое молодых, парень Мойше Сегал, его родители недалеко от нас жили, и его девушка Берта. Они хотели пожениться, но её родители были категорически против. Мойше был художником, бедный. Незавидный жених. Я в картинах мало понимаю и сама его рисунков не видела, но говорили люди, что он как-то странно рисует. Всё у него не как в жизни, а будто во сне. Бертины родители были богатые, не хотели для неё такую партию. Отец её был ювелир и часто нашей синагоге деньгами помогал. Хотел дочке дать хорошее образование. Отправили её учиться в Москву, там она с Мойше и познакомилась. Оба родом из Витебска, а по-настоящему сошлись только в Москве. Хотя были они из религиозных семей, но в Москве стали совсем светские, даже имена поменяли: Мойше стал Марком, а она Бэллой. Вот они и пришли к ребе просить чтобы он с Беллиным отцом Шмулем поговорил и убедил его дать дочке позволение выйти за Мойше замуж. Яков надел новый сюртук, бороду расчесал и пошёл на разговор. Уж не знаю, что он там говорил, но толь-

ко Шмуль, Бэллин отец то есть, дал согласие и свадьбу они сыграли хорошую. Это ещё было до того, как я замуж за Моисея вышла, и на той свадьбе не была. А уж после революции Мойше, Марк то есть, стал в нашем городе известным человеком, руководил художниками и весь город к революционным праздникам по своему разуму оформлял. Это я хорошо помню, очень всё было необычно, красочно. А потом они с Бэллой уехали за границу и больше в Витебск не возвращались. Марк там фамилию поменял из Сегала на Шагала и стал очень знаменитым. Впрочем, я не о нём тебе хотела рассказать. Я о моём свёкре ребе Якове.

– А как же он мог быть раввином, если он был слепой, – спросил я.

– Да нет, ты не понял. Он ведь сначала не был слепым. Это он потом ослеп. Думаю, что от сильного нервного потрясения. Это так было. Кажется, году в 23-м началась в Белоруссии, да впрочем везде, кампания по разгрому синагог. Но до нас это только в 25-м добралось. Мы про это, конечно, слыхали, но к нам эта беда пока не доходила. Однажды, в аккурат перед субботой, к нему в синагогу пришёл сын наших знакомых Борух. Он, ещё когда мальчиком был, у Якова в хедере учился, потом вырос и в Москву уехал. А когда вернулся домой, стал в Витебске большим революционным начальником, ходил в кожаной куртке, на автомобиле ездил, револьвер носил, и его все боялись. Даже собственные отец с матерью. Вот он пришёл в синагогу и говорит: «Всё, старик,

собирайся», – а Яков ещё и не был стариком вовсе, ему тогда лет 55 было, не больше. Борух на него стал кричать:

– Давай, быстро собирай свои вещи, выметайся отсюда! Никакой религиозной пропаганды больше в нашем городе не будет и синагога эта закрывается.

Реб Яков ему тихо отвечает:

– Что ты Борух, опомнись. Я ведь тебя ребёнком нянчил, в хедере грамоте учил. Подумай сам, что плохого мы тут делаем? Какая пропаганда? Мы ведь никого в религию не обращаем, сюда каждый сам приходит, если хочет. Кому мы мешаем? Не гневи Бога, Борух, он тебя за такие слова покарает.

А тот опять стал кричать:

– Я тебе не Борух, не смей меня так звать! Я теперь Борис, представитель революционного трудящегося народа. И твой бог – это всё фантазия, опиум и дурман. Я тебе прямо сейчас это докажу. Посмотрим, что твой бог мне сделает!

Тут он вынимает свой револьвер и несколько раз стреляет прямо в Арон Кодеш – это шкаф такой, где свитки Торы хранятся. Потом револьвер о галифе отёр, спрятал его в кобуру и со смехом говорит:

– Ну что, видел? Где он твой бог? Что же он меня не карает?

– Он тебя уже покарал, – тихо сказал Реб Яков, – он лишил тебя разума....

Тогда Борух, Борис то есть, оттолкнул ребе, схватил свитки Торы и вынес их во двор. У него там автомобиль стоял

и шофёр был. Велел шофёру всё бензином полить и поджёт. Свитки сразу вспыхнули, черный дым в небо пошёл. Яков закричал ужасно, кинулся было их из огня выхватывать, но шофёр его оттолкнул и сильно ударил сапогом. Яков упал без сознания и так лежал раскинув руки, пока мы не прибежали и его домой унесли. Кровь с головы утёрли, он скоро в себя пришёл, но с тех пор уже ничего не видел – совершенно ослеп. Я не знаю от чего – то ли оттого, что его по голове ударили, а скорее – на нервной почве. Кто теперь скажет? Синагогу его закрыли, всё из неё куда-то увезли. Она так заколоченная лет пять стояла, а потом в ней библиотеку сделали.

Яков, как у него синагоги не стало, в себя ушёл, подолгу в углу сидел, ел очень мало, и молча молился, только губами шевелил. Мы все за ним ухаживали, к доктору водили, но нечего не помогало, остался слепым. Одна у него радость была – очень он любил с внуками играть, с Соней и Абрамом, сказки им рассказывал, грамоте учил. Потом, в один день попросил нас, чтобы мы для него во дворе сарай расчистили. Он решил там для себя что-то вроде синагоги сделать. Сказал, что этого для него хватит, а те, кому он ещё нужен, и в такую придут. Бог ведь не в синагоге и не на небе, он в душе. Мы там всё почистили, Моисей старьё из сарая убрал, порядок навёл. Хорошую дверь навесил, окно вставил, книжные полки построил, стенки и потолок голубой краской покрасил. Стало чисто и очень красиво. Яков из дома туда книги перенёс, хотя зачем они ему были нужны? Видеть он совсем

не мог. Вот с тех пор у него появилась своя новая маленькая синагога и люди к нему шли. Даже родители Боруха приходили, плакали и извинялись. Но что их винить? Только все украдкой приходили – в то время стало опасно показывать, что ты в Бога веришь и на службу ходишь. Но всё равно шли. Для него как бы новая жизнь началась. К счастью, власти оставили ребе Якова в покое, кому он слепой был нужен? Он так и жил и часто даже ночевал там у себя в этой крохотной синагоге, мы ему туда еду приносили.

Когда война началась в 41-м году, к нам заехал его младший сын Семён, он тогда в армии служил офицером. Их часть на фронт отправляли и он смог забежать попрощаться. Яков обнял его, прижал к себе, заплакал и стал просить:

– Сёма, не оставляй меня здесь, возьми с собой в армию.

Сын его только усмехнулся и говорит, как же он слепой может в армии быть? Это никак невозможно, но Яков его всё равно упрашивал, говорил, что будет полезным, картошку станет там чистить, может обмундирование стирать. Но это, конечно, было несерьёзно. Семён ушёл на фронт и скоро там погиб. На другой же день моего сына Абрашу, ему как раз 18 исполнилось, в армию забрали и он тоже, как ты знаешь, с войны не вернулся.

Витебск стали бомбить, стреляли зенитки. Разбомбили мост и вокзал. Везде горело. Было страшно и дома и на улице, часто приходилось в погребе прятаться. Тогда я решила, что надо уезжать в эвакуацию, иначе мы все там погибнем.

Я говорю Якову:

– Папа, собирайтесь в дорогу, возьмите с собой только самое нужное. Мы сейчас же едем.

Но он только головой покачал и ответил:

Нет, никуда я не поеду. Вы сами езжайте. Я тут в моей синагоге останусь и будь, что будет. Мне Сёма сказал, что немцев скоро выгонят. Вот и по радио то же говорят. А если даже немцы сюда придут, что они мне сделают? Зачем я им? Я их помню ещё по 15-му году, они не злые, у них даже язык на наш похож.

Мы уехали без него, а через день поезда вообще перестали ходить и скоро Витебск заняли немцы. Через год, уже в эвакуации, когда мы жили в Свердловске, приехала одна родственница Сегалов, ей удалось выбраться из города, когда там были немцы. Она пришла к нам и рассказала, что в Витебске происходило и как погиб наш Яков. После войны я туда сама поехала и узнала подробности. Мне люди рассказали, что всех евреев немцы стали убивать прямо на улицах, а остальных согнали в гетто. Яков сам туда не мог пойти и остался в своей синагоге. Однажды к нему вломились местные жители и стали требовать у него золото. Говорили, что все евреи богатые и прячут золото. Яков их пытался убедить, что никаких ценностей у него нет и никогда не было. Тогда они его, слепого, стали бить, потом за бороду вытащили на улицу и поволокли в гетто. Их по дороге встретил немецкий патруль и спросили, куда они его тащат? Бандиты ответили,

что это жид и они его ведут в гетто. Начальник патруля сказал, что там всё и так переполнено, туда идти не надо и дело можно решить на месте. Потом достал пистолет и выстрелил Якову в голову. Его тело потом долго лежало на улице и никто его не хоронил.

Через несколько лет после его смерти, когда ты родился и стали искать тебе имя, Соня сразу решила назвать тебя в честь своего убитого дедушки. Вот так ты тоже стал Яковом, в память о твоём прадеде, – закончила свой рассказ моя бабушка.

Чака

В нашем доме в штате Коннектикут, кроме меня с женой и двух детей, постоянно жили ещё какие-то существа. Я не имею в виду всякую гадость, вроде мух, тараканов или, скажем, крыс – этих у нас не было. Жили приручённые нами твари, которых мы покупали, кормили и, если могли, дрессировали. Сначала появились рыбки в аквариуме. Они украшали дом и особых хлопот с ними не возникало – только раз в день подсыпь корм, вода фильтровалась автоматически, а иных забот не было. Даже когда уезжали в отпуск, с рыбками было довольно просто: я соорудил автоматическую кормушку с часовым механизмом и соленоидом, который в определённое время сбрасывал в аквариум рыбью еду. Золотые рыбки у нас прожили пару лет, а потом одним холодным январём мы полетели в отпуск на карибский остров. Когда через неделю вернулись домой, обнаружили, что в наше отсутствие сломалась отопительная система, всё в доме замёрзло, полопались трубы, а вода в аквариуме превратилась в глыбу льда. Поскольку по законам физики вода при замерзании расширяется, стёкла треснули и аквариум развалился. Золотые рыбки вмёрзли в лёд, а когда он растаял, из пяти рыбок только одна ожила и потом ещё некоторое время вяло плавала в банке из-под сока. После этого мы рыб не заводили.

Следующим зверем, который поселился у нас в доме стал

кокер-спаниель Кузя. Это был добродушный и весёлый пёсик, но прожил он у нас всего года три или четыре. Поскольку мы с женой много работали, сын ходил в школу, а дочка в садик, Кузя часто оставался дома один и это ему положительно не нравилось. Его всё время тянуло на улицу гулять. Я эту проблему решил так: в задней двери дома прорезал дырку, приделал к ней заслонку, и Кузя получил возможность выходить во двор на прогулку когда ему вздумается. Чем он там занимался и с кем снюхивался, нам не известно, но, как теперь думаю, до добра это его не довело. Однажды мы заметили, что он потерял слух, плохо видит, ходит с трудом, натываясь на мебель и стены, у него пропал аппетит, а белки глаз покрылись странными тёмными точками. Я повёз его к ветеринару на обследование. Осмотрев пса и сделав несколько анализов, собачий доктор был совершенно озадачен и даже смущён. Он сказал, что понятия не имеет, что с Кузей – у него какая-то неизвестная ветеринарной науке болезнь. Он был уверен, что пёс долго не протянет, лечить его неизвестно от чего он не может, и дальше Кузя будет только мучиться. Ветеринар предложил пожалеть бедное животное, сделать ему укол и отправить его в собачий рай. Я сказал, что подумаю, и забрал Кузю домой. Вечером включил телевизор и увидел последние новости медицины – открыт вирус, вызывающий неизвестную до того науке болезнь СПИД (это был 1983 год). На экране показали умирающего пациента из Сан-Франциско. Что меня поразило – у него белки глаз

были покрыты чёрными точками, точь-в-точь как у нашего пса. «Вот тебе и на, – подумал я, – так вот чем болеет наш Кузя! Где же он подцепил СПИД?» Мы были уверены, что у нашего пса самая что ни на есть традиционная сексуальная ориентация, но тогда откуда взялась у него эта болезнь? Не иначе как во дворе он снюхался с какой-то заразной тварью и его совратили. Делать было нечего – как лечить СПИД тогда не знали, и я отвёз Кузю к ветеринару для переселения его в собачий рай, полагая, что несмотря на его грехи, ада он всё же не заслуживает.

Затем у нас появился попугайчик породы Корелла – серо-белый с большим хохолком на головке и розовыми щёчками. Это было внешне симпатичное, но довольно хмурое и даже злобное существо. Корелла считается говорящей породой, но наш попугай категорически говорить не желал. Он молча сидел на жёрдочке в клетке, на нас смотрел с презрением и даже когда ему насыпали корм и меняли воду, отворачивался, чтобы не подать вида, будто его это интересует и не сделать нам приятное. Мы долго думали, какое дать ему имя, но к его сварливому характеру ничего не могли подобрать.

Когда в очередной раз мы поехали в отпуск, его надо было где-то пристроить – не оставлять же в доме одного! Это ведь не рыбки, которым можно автоматически насыпать корм. Всё же птицы по интеллекту выше рыб (по крайней мере, так хочется думать), поэтому им нужно человеческое обще-

ние. Мы позвонили нашему приятелю Оскару и попросили приютить попугайчика на одну неделю. Он согласился, мы отвезли ему клетку и запас птичьего корма, а сами улетели в отпуск.

Когда вернулись, я позвонил Оскару и спросил как там наш попугайчик и когда можно за ним заехать? Оскар почему-то сначала помолчал, потом вздохнул, и сказал: «Забери его когда хочешь. Чтоб он сдох!» Я сильно удивился – неужто попугай, даже с таким ершистым характером, за одну неделю смог так достать нашего приятеля, что он желает ему сдохнуть? Я сел в машину, заехал к Оскару и он молча отдал мне клетку с птицей.

Привёз я попугая домой и тот, увидев мою жену и детей, вдруг радостно запрыгал на жёрдочке и весело зачирикал – таких положительных эмоций у него раньше не проявлялось. Было видно, что наше отсутствие ему явно пошло на пользу. Он выглядел просто чудесно, заметно располнел, даже подрос, его хохолок стал длиннее, а щёчки ещё розовее. Он громко и радостно чирикал: «Чаки-чаки-чака!» и мы сразу же решили – вот подходящее имя он себе придумал! Отныне будем звать его «Ча́ка». Да, после нашего отпуска попугай переменялся в лучшую сторону – стал весёлым, жизнерадостным и старался подражать разным звукам. Я решил позвонить Оскару и спросить, как ему удалось так здорово перевоспитать нашу птицу? Оскар мне ответил, что это не телефонный разговор и он лучше заедет к нам и всё объяс-

нит.

Когда он приехал и всё рассказал, прояснилось вот что. Оказывается, перед самым нашим возвращением из отпуска Оскар решил насыпать попугаю зернышек. Но как только он открыл клетку, тот сразу выскочил наружу и стал летать под потолком, помечая мебель и стены своим «гуано». Оскара это совсем не обрадовало и он стал за ним гоняться по комнате. Но тут Вера, жена Оскара, не заметив попугая на свободе, открыла входную дверь, и этот негодяй не долго думая вылетел на улицу. Он уселся на соседнее дерево и стал вызывающе щебетать, явно насмехаясь над людьми. Перепуганный Оскар с зёрнышками в руке выскочил из дома и стал его призывать назад: «Цып-цып-цып», но что толку! Попугай категорически не желал возвращаться в неволю. Наверное целый час Оскар бегал вокруг дерева с уговорами. В конце концов, попугаю эта суматоха надоела, он взлетел ввысь и – только его и видели! Улетел неизвестно куда и пропал. Бедный Оскар решил, что этого мы ему не простим, поэтому он помчался в звериный магазин, там выбрал другого попугая, похожего на беглеца, купил и посадил его в клетку, надеясь, что мы не заметим подмены. Стало быть, наш весёлый Чака это был совсем не тот попугай, что мы оставили Оскару, а слова «чтоб он сдох» относились не к Чаке, а к тому, улетевшему.

Чака в нашем доме сразу прижился и стал членом семьи. Когда мы переехали в Калифорнию, попугай быстро осво-

ился на новом месте и, похоже, тёплый климат ему нравился. Он чутко прислушивался к звукам скрипки, на которой играла моя жена, и пытался в подражание ей высвистывать разные мелодии. Иногда получалось совсем неплохо – у него явно был музыкальный слух. Кроме того, он часто нараспев выкрикивал своё имя «Чаки-Ча-а-а-ка!», как бы представляясь, особенно когда в дом приходили гости и он хотел с ними познакомиться.

Так оно продолжалось некоторое время, но потом в один прекрасный день наш Чака неожиданно... влюбился. Предметом его обожания стала метла, стоящая в углу комнаты. Целыми днями он сидел на жёрдочке в своей клетке, не сводил с неё глаз, и все его песни и выкрики теперь были обращены только к метле. В птичьем голосе сквозила неподдельная нежность и даже страсть. Но, к сожалению, любовь эта оставалась безответной. Метла на Чаку никак не реагировала и спокойно стояла в углу. Чтобы сделать ему приятное, мы часто открывали в клетке дверцу, после чего, помогая себе клювом, Чака осторожно вылезал наружу, подлетал к метле и усаживался на неё. Он прижимался к палке своей розовой щёчкой, ласково щебетал и клювом осторожно расчёсывал её прутьи. Это были его минуты счастья. Когда он уставал от нежностей, мы подносили метлу с Чакой к клетке и загоняли его внутрь, а метлу возвращали обратно в угол. Он усаживался на жёрдочку и опять не сводил с неё свой нежный взор.

Чака на метле

В связи с этим у нас возникла проблема – нечем стало под метать пол. Стоило нам взять в руки метлу и начать мести, как Чака впадал в истерику. Он бился в клетке, колотил клювом по металлическим прутьям, хлопал крыльями и истошно вопил на весь дом – такое поругание своей возлюбленной он вынести не мог. Нам ничего не оставалось, как возвращать метлу в угол. Тогда он успокаивался, но потом ещё минут пятнадцать что-то эмоционально ей объяснял на своём птичьем языке, видимо извиняясь за наше наглое поведение. Впрочем, мы нашли выход из положения. Моя жена сшила колпак из плотной материи и перед тем, как мести пол, мы клетку накрывали чтобы не травмировать попугайскую душу видом того, как мы «оскорбляем» его любимую метлу.

Шли годы. Чака старел, но продолжал преданно любить метлу всем своим маленьким сердцем. Метла тоже старела, совершенно износилась и наконец пришла в полную негодность. Однако на чакиных чувствах это никак не отразилось – он относился к ней так же нежно, как прежде. Однажды мы совершили непростительную ошибку – старую развалившуюся метлу выбросили и купили точно такую же новую, наивно полагая, что Чаке это понравится. Как жестоко мы ошиблись! Для него это стало тяжёлым ударом. На новую метлу Чака не смотрел. Она раздражала его своей молодостью и свежестью. Потеряв свою старую возлюбленную,

он стал одинок и совершенно переменялся. Перестал чирикать и подражать звукам скрипки, не хотел произносить своё имя, целыми днями сидел нахохлившись в углу на жёрдочке и лишь изредка клевал свои зёрнышки. Однажды утром мы нашли его на полу клетки лапками вверх, на клюве алая капелька крови, он ещё дышал и грустно смотрел на нас своими глазами-бусинками.

В телефонной книге мы разыскали ветеринара, что специализируется по птицам, дети завернули Чаку в махровое полотенце и мы повезли его к доктору. Ветеринар бегло осмотрел попугая и с холодностью бизнесмена сказал:

– Он не жилец. Если не лечить, сдохнет через час. Но, если хотите, можете оставить его у нас до завтра, мы его поставим на искусственное дыхание, тогда он проживёт ещё один день и подохнет завтра к утру. Это будет вам стоить 250 долларов. Деньги вперёд.

Дети со слезами на глазах смотрели на меня и ждали, что я скажу. В этот момент я представил себя на месте Чаки и подумал, что однажды настанет мой час, и быть может решение о том как мне уходить в иной мир будут принимать вот эти двое, вспоминая, как я сам поступил с попугаем. Эта мысль заставила меня достать чековую книжку и сказать: «Ставьте на респиратор». Чака остался в клинике.

На следующее утро у нас дома зазвонил телефон. Звонили от ветеринара. Грустный женский голос сказал: «С глубоким прискорбием мы вынуждены сообщить вам, что ваш лю-

бимый попугай скончался. Желаете ли вы забрать тело?» Я сказал «желаем» и мы, то есть я и двое детей, сели в машину и поехали в клинику. Мы назвали приёмщице имя усопшего пациента и нам велели подождать в приёмной.

Вскоре дверь в заднее помещение широко распахнулась и показалась троица в зелёных халатах. На их лицах была надета печаль, а шедшая впереди девица на вытянутых руках торжественно несла нечто завёрнутое в белую тряпочку. Это был наш бедный Чака. Мы с детьми забрали свёрток, увезли его в парк, выкопали под деревом ямку и, сказав несколько слов о том какой он был хороший и как любил свою метлу, похоронили.

Я полагал, что на этом история с попугаем и закончилась.

* * *

Ан нет! Недели через две я получил из ветеринарной клиники счет на 75 долларов. Там было написано, что эта плата за «похоронные услуги» – видимо так они обозначили белую тряпочку и грустные лица. Это меня страшно разозлило – я был готов платить за живого или еле-живого попугая, но не за мёртвого. Поэтому я этот счёт проигнорировал из принципа. Потом получал его ещё трижды, каждый раз отправляя в мусорную корзину.

Лет через пять мы покупали новый дом и я пытался взять в банке ссуду. Однако, в деньгах мне было отказано на том

основании, что у меня запятнана кредитная история. Причина была в том, что пять лет назад я не заплатил ветеринарной клинике за «похороны» и на мне висит долг в 75 долларов. Поскольку в принципиальных вопросах я ни на какие компромиссы не иду, решил не платить, а пойти на приём к вице-президенту банка чтобы объяснить. Я рассказал ему эту историю про Чаку, белую тряпочку и «вынос тела». Он всё понял, согласился со мной, и ссуду я получил.

Закон для Восходящего Солнца

Мой рейс в Тотóри был только на следующее утро и потому приходилось убивать остаток дня. Я поселился в гостинице недалеко от императорского дворца и отправился гулять по городу. В Токио я бывал неоднократно и мне не составило труда спланировать прогулку по новым для меня местам. К вечеру, довольно уставший, я решил расслабиться в баре Караоке, что был недалеко от моей гостиницы. Разумеется, петь под фонограмму я не собирался, да и не умел, но мне нравилось сидеть в углу, пить пиво и наблюдать как после рабочего дня местные служащие мужского пола в одинаковых чёрных костюмах строят из себя эстрадных звёзд. Вот сижу я в уголке, смотрю по сторонам, слушаю певучие мелодии и удивляюсь чудесам японской электронной акустики, способной превращать самый заурядный голос в вокальный шедевр.

Довольно скоро на меня ста ли обращать внимание. Во-первых, я был единственный, кто не подходил к микрофону, но главное потому, что я внешне отличался от остальных посетителей. Наш брат, не-японец, в бары Караоке заглядывал довольно редко. Я заметил, что к моему столику с бокалом пива в руке нетвердой походкой направляется средних лет господин. Не спросив моего согласия, он подтянул стул, плюхнулся на него, отхлебнул из бокала и молча уставился

на моё лицо. Долго и бесцеремонно разглядывал меня, а затем спросил, откуда я тут взялся и почему не пою, как все нормальные люди? Мой японский был в зачаточном состоянии и я, как мог, объяснил ему, что по-японски мне говорить трудно и может он понимает по-английски? Тогда он неожиданно перешёл на сносный английский, чем меня немало обрадовал. Я сказал ему, что приехал по делам из США, в столице лишь на вечер, и вот решил посмотреть, как после трудного дня отдыхает местный служивый люд. Услыхав, что я из Америки, мой явно не слишком трезвый собеседник нахмурился и прямо-таки по-самурайски прорычал:

– Ах так! Из Америки, значит... Плохая страна Америка, совсем плохая...

– Чем же она плохая? – насторожился я.

– Рис продаёт в Японию! Вот чем! У вас там в Конгрессе всем заправляют евреи и они решили взять Японию измором. Продают негодяи нам рис по низкой цене и разваливают нашу рисовую промышленность.

Вот уж никак не ожидал я встретить в Токио антисемита. Тут евреев можно по пальцам пересчитать, а вот на тебе – живой японский антисемит сидит напротив меня, пьёт пиво и валит свои печали на евреев, хотя вряд ли он видел когда-нибудь настоящего еврея. Впрочем, во все времена евреи были удобными козлами отпущения. Не помню, с чего это вдруг, но я решил ему возразить.

– Вы ошибаетесь. Насколько знаю, в Конгрессе евреев

мало, где-то 5-6 процентов, как же они могут всем заправлять? Вообще я сомневаюсь, что это дело Конгресса – решать по какой цене что-то кому-то продавать. И потом, если вы недовольны продажей риса в Японию, то Америка, в свою очередь, может быть недовольна импортом Тойот и Ниссанов – тоже ведь разрушает нашу автомобильную промышленность...

– Что значит недовольна, – возмутился японский патриот-антисемит, – а как же глобальная экономика? Вы что, хотите остановить мировую торговлю? А про евреев вы мне даже не говорите – много их или мало, не важно. Они хитрые, всеми крутят и против Японии гадости замышляют. Вы вот на еврея вроде непохожи, так зачем их защищаете? Да разве дело только в рисе! Будто не знаете, кто атомные бомбы сделал, что на наши города бросили! Они сделали! Евреи! Будто не знаете, кто нашу конституцию на свой сионистский лад переделал! Это они её переписали. Ещё в 46-м году. Про это каждый японский школьник знает.

Тут он ошибся, про японскую конституцию я ничего не знал, но и не собирался выяснять это у него. Вежливо с ним распрощался, заплатил за пиво и вышел из бара. С тех пор прошло много лет, и я совсем позабыл об этой случайной встрече, но не так давно вспомнил её, получив письмо от Лари Сутина – дальнего родственника моей жены.

Лари был племянником знаменитого художника Хаима Сутина, но художественными талантами не обладал и всю свою профессиональную жизнь провёл на дипломатической службе, где он много лет заведовал американскими консулатами в разных странах третьего мира. Когда ему исполнилось 75, он вышел на пенсию и поселился в живописном городке Лэйк-Плэсид в штате Нью-Йорк, где когда-то проходили зимние Олимпийские игры.

Незадолго до его 97-го дня рождения я послал ему поздравительную открытку. Получив её, он позвонил мне, поблагодарил, а потом спросил, что я знаю о японском периоде жизни моего покойного тестя скрипача Льва Тышкова. Он также поинтересовался, не остались ли после Льва какие-то фотографии из Токио 30-х годов? По его просьбе я порылся в альбомах и коробках с семейными бумагами и нашёл там несколько старых снимков самого Льва, его учителя, и некоторых его японских друзей. Была там и фотография с тёплой дарственной надписью знаменитого пианиста Лео Сироты. Я про это написал Лари и его особенно заинтересовал снимок Сироты. Он спросил: «А кроме самого Лео Сироты, есть ли у вас фото его семьи, жены, дочери?» На мой вопрос, почему его это интересует, через пару недель Лари прислал длинное письмо. Привожу его в моём пересказе.

«Вы спрашиваете, почему меня интересует семья Сироты? На самом деле мне интересны снимки его дочери, с которой я был знаком. Знаменитый пианист Лео Сирота с женой и дочкой Беатой жил в Токио в те самые годы, когда там учился Лев. Они хорошо знали друг друга. Беата тогда была ещё ребенком, ей было лет 10-12, не более. Я с ней познакомился в Токио примерно лет десять спустя, после войны, когда мы вместе работали в юридическом комитете при штабе генерала Мак-Артура. Наш комитет писал для Японии новую конституцию.

Тут я и вспомнил свой давнишний разговор в токийском баре. Ведь не соврал пьяный антисемит: Беата, Лари, и некоторые другие евреи действительно приняли участие в создании современной японской конституции.

Дело было так. Когда закончилась война с Японией, я служил на Тихоокеанском Флоте. Наша часть стояла на Филиппинах, в Маниле. После атомных бомбардировок наступил мир и у всех было чувство, что наша работа окончена, мы были тут больше не нужны и мечтали о возвращении домой. Я уж два года как не видел мать и отца, скучал... Перед тем, как попасть во флот, я закончил юридический факультет по специальности международного права. Впрочем, на войне были нужны не юристы, а солдаты, вот я и воевал. Когда в Маниле меня вызвал мой начальник и сказал, что на

следующей неделе меня демобилизуют и я смогу с очередным транспортом отправиться в Америку, я и обрадовался, и огорчился. Конечно, рад был, что скоро попаду домой, но стало немножко грустно, что вот уеду из Азии, почти ничего кроме своего корабля и Манилы толком не повидав.

После войны наши моряки на Филиппинах жили словно на курорте. Гуляли, развлекались как могли. Мы были освободители, и местное население к нам хорошо относилось. Работали ночные клубы, бары, филиппинские девочки к американским матросам были куда как приветливы. Но война кончилась, и пора было по домам. После разговора с боссом тем же вечером мы с друзьями устроили прощальную вечеринку в местном баре. В разгар застолья к нам подошёл американец в штатском. Мы его в этом баре видели раньше, но знакомы не были. А тут он подошёл, чокнулся с нами и пожелал счастливого пути домой. Сказал, что он американский адвокат, здесь в Маниле у него свой офис, но он его закрывает и тоже на днях уезжает. Только едет не домой в Америку, а в Японию, так как получил приглашение поработать при штабе генерала Мак-Артура. Тут я сказал, что мы с ним коллеги, я тоже адвокат, и я ему завидую, что он едет в Японию – страну Восходящего Солнца, которую я давно мечтал увидеть. Он хлопнул меня по плечу и ответил, что нет проблем – если мне интересно, он свяжется со штабом и про меня расскажет. Им как раз сейчас нужны американские адвокаты. Действительно, через пару дней меня опять вызвал

мой босс и сказал, что если я хочу, то могу поехать в Японию и как вольнонаёмный адвокат поработать пару месяцев при главном штабе оккупационных войск. Вот так я оказался в Токио. Это был январь 1946 года.

Токио после войны выглядел просто ужасно. Массивные бомбардировки и страшные пожары превратили город в сплошные развалины. Выжившие горожане ютились в убежищах, проводили дни в поисках еды. Командование союзных оккупационных войск располагалось в роскошном здании бывшего страхового агентства Даи-Ичи, что напротив императорского дворца. Думаю, во время бомбардировок был дан специальный приказ, чтобы на этот район бомб не бросать. Меня определили делать вспомогательную работу под началом подполковника Мило Роуела (Milo E. Rowell), заведующего юридическим отделом штаба. Его группа из двадцати пяти человек работала над новой конституцией для Японии. Там я и познакомился с Беатой Сирота. Ей тогда было всего 22 года, она была умна, элегантна и выделялась какой-то библейской красотой. В оккупационных войсках в Японии служило всего-навсего 60 женщин: машинистки, секретарши, медсёстры – на почти 350 тысяч мужчин. Можете себе представить, какими глазами на неё смотрели наши парни! Беата работала в юридическом отделе как лингвист. Она свободно владела английским, немецким, русским, французским, испанским и японским языками.

Генералу Мак-Артуру доложили, что японское прави-

тельство тоже работает над своей новой конституцией и потому он дал нам всего одну неделю на окончание нашего варианта. Поначалу у него с президентом Трумэном по этому поводу были серьёзные разногласия. Президент требовал, чтобы императора Хирохито судили как военного преступника и устроили ему и его подручным что-то вроде Нюрнбергского трибунала. Эта банда, конечно, заслуживала сурового наказания за свои жуткие преступления против населения Китая и военнопленных. Вот, например, у них в лагерях для пленных американцев и наших союзников было такое самурайское развлечение – одним взмахом меча сверху донизу разрубить стоящего человека на две одинаковые половинки. Прямо скажем, спорт не для слабонервных...

Трумэн планировал держать в Японии большой контингент оккупационных войск, как в Германии. Однако, командующий Мак-Артур был против, он хотел отправить американцев домой, а японцам дать возможность самим выбрать политическое устройство своей страны, но на демократической основе. Он понимал, как глубоко они привязаны к своему императору, и суд над ним принесёт больше вреда, чем пользы. Поэтому он приказал нашему комитету сохранить в конституции императора, но оставить ему только церемониальную роль. Черт с ним, пусть живёт. Дружеское отношение к нам населения важнее наказания одного негодяя. Впрочем, кое-каких военных преступников всё же отправили на виселицу. В конце концов, президент с генералом согласился и

императора не тронули.

Чтобы не начинать с нуля, сперва мы взяли за основу, действующую с 19-го века японскую конституцию Мейджи. Беата нам её перевала и все поняли, что это совершенно не годится – надо всё полностью переделать. Тогда генерал Уитни (Courtney Whitney), заместитель Мак-Артура, предложил в качестве образца подобрать что-то из недавней истории. Ну, где найти в сожжённом Токио тексты конституций других стран? Однако Беата нашла – она разыскала хранилище публичной библиотеки, которое чудом уцелело в огне войны.

Военное удостоверение Беаты Сирота

Местные японцы ей очень в этом помогли – она их очаровывала своим безупречным владением языком, что для иностранца было большой редкостью, аристократическими манерами и тонким пониманием японской психологии. Там в хранилище она раскопала тексты конституций США, Веймарской Республики в Германии, Советской России, Испании, и ещё некоторых других государств. Она всё перевела на английский и работа закипела. Мы их проанализировали и сравнили. Американская конституция нам не очень годилась – слишком старая и с множеством поправок. Советская была более современная, но уж с очень обтекаемыми формулировками, что позволяло двусмысленные интерпретации её положений – как хочешь, так и верти. Ну вот, к примеру, там сказано, что граждане имеют право на труд. Это как понимать? Безработица – это что, нарушение закона? Никого нельзя увольнять? Каждого обязаны обеспечить работой? Если да, то какой? Концлагеря и Гулаг тоже работа согласно их конституции – так ведь тоже можно понимать. Нет, в конституции всё должно быть однозначно, без двусмысленностей. У нас в комитете решили, что самая подходящая – это конституция Веймарской Республики, её и взяли за основу. Мы работали день и ночь, всё писали по-английски, а потом переводили на японский. Беата прекрасно говорила по-японски, но не знала многих юридических терминов и специальных иероглифов, поэтому к работе привлекли ещё и

японских юристов.

Полковник Роэст (Pieter K. Roest), руководитель комитета гражданских прав, предложил Беате написать те статьи конституции, которые относились к правам женщин и детей. Она ведь прожила в Японии десять лет и своими глазами наблюдала совершенно средневековое отношение к женщинам. Мужей для них выбирали родители, они не имели права на развод, не имели имущественных прав, не могли голосовать, по улицам обязаны были ходить позади мужа, и так далее. Она решила всё это поменять. К сожалению, самые смелые её предложения не прошли, как слишком радикальные для Японии тех лет, но всё же главное ей удалось отстоять. Таким образом, современные японки своим равноправием обязаны Беате Сирота, которая стала автором 14 и 24 статей японской конституции.

Мы только-только заканчивали первый вариант, как японцы нам представили на согласование свою версию. Это была полная чепуха – они лишь слегка подредактировали старую конституцию Мейджи, оставив за императором всю полноту власти. Мак-Артур обозлился, церемониться не стал, велел, чтобы их с этой «конституцией» послали в одно место и приказал подать им наш вариант. Японцы сначала было задёргались, занервничали, но им напомнили, кто сейчас правит бал, и они должны быть довольны тем, как деликатно и уважительно к их традициям мы всё написали. Но это народ упёртый, и приходилось воевать с ними за каждый пункт,

за каждое слово. Они уверяли, что мы не понимаем их ментальность и хотим всё сделать на американский лад. Например, они яростно сопротивлялись против женских прав, говорили, что это не в их традиции, что простой народ это не примет. Но когда им сказали, что эти статьи написала мисс Сирота, которая хорошо знает местные традиции и уж точно понимает их ментальность, они сразу стихли, подняли лапки вверх и сказали О-Кэй – её очень уважали.

На 10 апреля было назначено голосование в новом японском парламенте, и впервые в истории благодаря Беате женщины могли голосовать. Прошло несколько месяцев и после целого ряда бюрократических рассмотрений и голосований в японском правительстве, конституция была утверждена близко к тому тексту, как мы написали.

В благодарность премьер-министр Яшида послал каждому участнику нашего комитета подарок – серебряную чашечку для саке. На ней выгравирована хризантема – символ императора. Нам это показалось не слишком подходящим и даже вызывающим – при чём здесь императорская эмблема, если мы написали демократическую конституцию? Ну да ладно, что придирааться? Эта чашечка и сейчас стоит у меня на серванте...»

Получив это письмо, я позвонил Лари чтобы уточнить некоторые детали, но он лишь вздохнул и сказал, что кроме того, что он написал в письме, ничего больше не помнит – было и так удивительно что в свои 97 лет он смог рас-

сказать эту давнюю историю. Добавил лишь, что в апреле 1946 года он вернулся домой в Америку, поступил на работу в Госдепартамент и вскоре получил назначение консулом в Рио-де-Жанейро. Так началась его полувековая дипломатическая служба.

Чашечка для саке

Едем-Едим

Как-то был я в командировке в Японии вместе со своим сослуживцем Джо. Это был типичный американец из глупинки, который никогда не выезжал дальше, чем за сто миль от своего города. А тут – Япония! Джо был выше средней упитанности, носил на себе пивной животик, постоянно жевал картофельные чипсы и запивал их пепси-колой. Вот прилетели мы в Токио, поселились в гостинице, слава богу, не-японского типа, и Джо сказал, что он голоден и надо идти в ресторан. Мы стали ходить по окрестным улицам, где было множество маленьких ресторанчиков, и заглядывать в витрины, чтобы найти место, где Джо может насытиться. Со мной в этом плане проблем никогда не бывает – приезжая в новую страну, я всегда ем местную еду, а тем более в Японии, кухню которой я ценю и люблю. Но Джо сразу заявил, что никакую рыбу и вообще ничего из моря он не ест, и ему надо найти что-то мясное. Мы легко нашли ресторанчик, где в у входа были выставлены с невероятным искусством изготовленные пластмассовые образчики их меню, и там оказалось *сукияки* – блюдо из говядины в чугунном горшочке. Мы зашли, сели за столик, я заказал себе *сашими* (набор сырой рыбы), а для Джо этот самый *сукияки*.

Когда нам принесли еду, Джо вытаращился на тонкие кусочки говядины поверх белых кубиков тофу и на японские

тушёные овощи. Он заявил, что ни этот «сыр», ни эти странные овощи он есть не будет, но с опаской сунул себе в рот кусочек мяса. Однако он его тут же выплюнул, сказал, что у него какой-то противный сладко-солёный вкус, и он лучше умрёт с голоду, но эту гадость есть не станет. Запас чипсов у него закончился, и в этот вечер Джо остался голоден.

На следующее утро он выпил в отеле кружку кофе, а затем, перед тем, как ехать по нашим делам, мы опять побродили вокруг отеля, но ничего съедобного для него найти не смогли. Бедняга не ел весь день, только пил кофе. Его пивной живот стал увядать, в глазах мерцал огонь каннибализма, и я нервно вздрагивал, когда он на меня оценивающе смотрел. После рабочего дня нас повезли на машине обратно в отель. Джо сидел на заднем сидении в забытьи, уткнувшись носом в окно. Вдруг, на одном перекрёстке, он истошно завопил «Стоп!!!» и вцепился в плечи водителя. Тот с перепуга резко тормознул, не говоря ни слова Джо выскочил на улицу и кинулся через дорогу, невзирая на мчавшиеся вокруг машины. И тут мы увидели большую вывеску McDonald's. Мы ждали его у обочины. Он появился через пять минут с тремя пакетами гамбургеров. Я в жизни не видел более счастливого лица, чем у Джо в те минуты его блаженства.

Эту историю я вспомнил для затравки моего увлекательного повествования, к которому я сейчас и перейду. Кратко расскажу вам про то, что я понял о кухнях некоторых стран, где мне довелось побывать. Кратко – потому, что тема га-

строномическая необъятна, а рассказ – это жанр малогабаритный, так что мы лишь полетаем над верхушкой айсберга.

* * *

Раз уж мы заговорили о Японии, начнём с неё. У японцев есть замечательный талант – они фантастические улучшатели. Многие из того, что мы знаем японского, на самом деле не было изобретено японцами, но ими адаптировано и сильно улучшено. Вот несколько примеров. Их письмо было взято у китайцев и упрощено. Фотоаппараты были изобретены во Франции и Германии, но сейчас лучшие камеры японские. Или возьмите автомобили, копировальные машины, рояли, строительное оборудование, мотоциклы, вообще массу других вещей – все эти вещи были придуманы в других странах, но мало кто их делает лучше японцев. Да что там техника, даже самые казалось бы традиционные японские вещи тоже пришли из других стран. Например, кимоно японцы не придумали, а переняли это одеяние у корейцев, и делают его куда наряднее и интереснее. А в еде – знаменитая *темпура*, то есть продукты жареные в кипящем масле, пришла из Португалии, а *суши* и *сашими* – из той же Кореи, сильно в Японии изменившись и, на мой вкус, став куда заманчивее и на вид, и на язык.

Для японца еда – в первую очередь это не пища и не калории для насыщения, а услада для глаз. Еду в Японии начина-

ют кушать глазами, а уж потом отправлять в рот. Почти всё, что делают японцы, они доводят до совершенства, и к еде это относится в первую очередь. Однако, не всякий иностранец может это сразу понять и оценить. Для этого требуется время и терпение. Хотя я могу есть любую разумную еду, мне пришлось перепробовать много японских блюд, прежде чем я выбрал для себя самое подходящее. Больше всего мне нравится сырая рыба с зелёным «хреном» *васаби* и соевым соусом. Однако, я не большой любитель риса, а потому *суши*, то есть рыбный кусочек завёрнутый в рис и *нори* (с у шёные водоросли), я обычно не беру, так как там больше риса, чем рыбы. В японском ресторане мой выбор прост – это почти всегда рыбный *донбури*, который иначе называется «*чирáши суши*». На самом деле, это просто *сашими* – кусочки разных сырых рыб, осьминога, кальмара, и креветок, изящно уложенные поверх слоя риса. То есть, море-продукты отдельно, рис отдельно. Так я могу есть рис, а могу и не есть – как захочу. Очень удобно, красиво и разнообразно.

Многим нравится запивать японскую еду пивом (кстати, первым в Японии пиво варил американец где-то лет 150 назад), но я предпочитаю саке, которую кое-кто по незнанию называет японской водкой. На самом деле саке это разновидность пива, хотя и заметно крепче – в ней может быть до 20 % алкоголя. Считается, что холодное саке благороднее и деликатнее, чем подогретое, но я люблю тёплое, где-то около 41°C, то есть температуры тела человека в лихорадке.

Теперь поговорим о китайской пище. Что касается эстетики еды, то китайцы находятся от японцев на прямо противоположном конце кулинарного спектра. Если для японца еда это прежде всего услада для глаз, то китайцы вообще на культуру еды и её внешний вид не обращают внимания. Приготовив еду, они всё бухают на тарелку комом и так подают. Однако, никто в мире не сравнится с китайцами по разнообразию и изощрённости блюд. Я думаю, что почти весь творческий потенциал китайского народа ушёл на кухню. Да, я знаю, что иглоукалывание, бумагу, порох, фарфор, сейсмограф и компас изобрели китайцы. А что ещё? Не маловато ли на более чем пять тысяч лет их великой цивилизации? Но вот в отношении пищи – они совершенно уникальны. Недаром говорят, что нет такой вещи, которая китайцу не может служить едой, а еврею фамилией. Не о евреях тут речь, но действительно, умелый китайский повар способен сделать съедобным и даже вкусным любой предмет – от всевозможных трав и корешков, до самых, на наш просвещённый взгляд, отталкивающих частей тела животного.

Китайцы уверены, что они родоначальники почти всех мыслимых блюд. Быть может, это не пустое бахвальство. Как-то я был по делам в Шанхае вместе с хозяином одной тайваньской фирмы. Однажды после рабочего дня он мне сказал, что его мечта – попробовать настоящую русскую еду. Я засомневался – как же это можно осуществить в Китае? Но он меня успокоил, сказав, что в Шанхае есть всё и он сам

этим займётся. Тут же позвонил он своей секретарше в Тайпэй, и та через пять минут ему перезвонила и продиктовала адрес русского ресторана. Это оказалось всего в пяти минутах ходьбы, и мы туда отправились. Если в США рестораны в гостиницах, как правило, не слишком высокого уровня, то в Китае – наоборот. Самые лучшие рестораны обычно в отелях. Так и этот русский ресторан под невообразимым названием «Летающий Слон» оказался на третьем этаже роскошного отеля «Бунд». Почему слон, да ещё летающий, никто в ресторане не знал. Быть может его хозяин слышал поговорку, что «Россия – родина слонов», и в это поверил. Ну а «летающий» это ведь просто красиво, особенно для изящного слона из страны балета.

Официантка, симпатичная китайская девочка, подала нам меню на трёх языках – китайском, английском и русском. Когда я её что-то спросил по-английски, она мне легко на том же языке ответила, но поняв, что у меня родной язык русский, перешла на приличный русский. Меня это впечатлило и я спросил, где же она так научилась? Официантка сказала, что у неё русский бойфренд и она набралась от него. Есть же на свете такие таланты, но почему-то они работают официантками, а не профессорами лингвистики.

Мой тайваньский спутник не понимал странные русские названия в меню и попросил меня всё для него выбрать. Я решил впечатлить его полным спектром русских блюд и заказал селёдку с луком и картошкой, всякие копчёные рыбы,

маринованные овощи и солёные грибы, потом борщ, затем пельмени, шашлык, и на десерт разные пирожные. Однако, у китайцев в еде нет никакой структуры и последовательности, к которой мы привыкли – закуска, первое, второе, десерт. Поэтому официантка принесла весь заказ скопом и поставила все блюда одновременно на большой вертящийся поднос на нашем столе. Кстати, всё было отличного качества и правильно приготовлено, так что в этом плане «Летающий Слон» был на высоте.

Я пытался было объяснить моему китайскому коллеге, какие блюда и в какой очерёдности надо кушать, но это было бесполезно. Ему не терпелось всё попробовать. Он сразу засунул себе в рот селёдку с пирожным, откусил кусок шашлыка и запил это борщом. По выражению его лица я понял, что русская еда на него не произвела положительного впечатления. Почти всё оказалось ему знакомо. Отведывая каждое блюдо, он восклицал – нет, это не русское, это китайское! Шашлык – китайское, соленья и маринады – китайское, грибы – китайское, пельмени – китайское, и так далее со всем, кроме селёдки и борща. Селёдка с пирожным ему совсем не понравилась (хотя это была чудная иваси из Швеции), но зато борщ его сразил наповал. Сначала он думал, что красный цвет в нём от крови какого-то русского животного, но когда я ему сказал, что это свёкла, он не понял. Оказывается, в Китае свёклу не знают и о таком овоще не имеют понятия, а потому из всего русского обеда для моего китайского кол-

леги красный борщ оказалось главной экзотикой.

Кстати о пельменях. Русские уверены, что пельмени – это их национальная еда. Так же говорят и китайцы. Итальянцы настаивают, что это они изобрели *равиоли*, а уж затем Марко Поло привёз рецепт в Китай, где угостил тамошнего императора Кублай-Хана. Императору ravioli очень понравились и он повелел всему населению тоже кушать такие же уши из теста с кусочком мяса внутри. Однако в этой итальянской версии есть маленькая неувязка, так как Марко Поло приехал в Китай в конце в 13-го века, но *дамплинги*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.